

К ОБНОВЛЕНИЮ ДЕБАТОВ О ДЕМОКРАТИИ

выступление на конференции «Современное государство и глобальная безопасность»

Глеб Павловский

модератор секции «Современное государство: многообразие демократического опыта»

Глеб Павловский — президент Фонда эффективной политики, главный редактор «Русского журнала».

1.

Мои тезисы сводятся к предложению радикально обновить споры о демократии. А в чем-то начать их заново, поставив в центр тему всеобщих, совместно разрабатываемых опытным путем ее стандартов.

Сегодня приходится говорить о патологическом **застое мировых дебатов о демократии** — по причине их крайней идеологизации. На Западе возник застой критики, застой новых подходов к «практикующим» демократиям, с российской стороны — апологетический застой. Новый опыт накоплен на Западе, на Востоке, но он не обсуждается. Страны, подобно США располагающие огромным демократическим опытом — опытом успехов и опытом поражений (второй для новичков даже более ценен), — диктуют надменную, плоскую и ригидную версию демократии-идеологии, — «демоидеологию». И в ответ получают столь же плоские и запальчивые апологии.

2.

Сегодня нам предстоит заново собрать демократические дебаты, после двадцати лет недоразумений. Годовщина падения Берлинской стены, с одной стороны, и в следующем году — двадцатилетие суверенитета России дают нам хороший повод. В 1989 году, когда

Советский Союз — под давлением своего общества — односторонне завершал «холодную войну», **две вещи** считались предрешенными.

Во-первых — *глубокая либерализация институтов внутри страны*. Под этим понималась *демонополизация* в обществе и экономике, правовое обновление силовых, судебных и управленческих институтов, а также гуманизация репрессивных органов, «десадификация» мест заключения. *Во-вторых* — *радикальная демократизация международной архитектуры*. Сам односторонний выход Союза из «холодной войны» рассматривался советскими гражданами как акт своей глобальной ответственности, жертва ради человечества.

Но прошло всего два-три года, и к началу 1990-х годов с повестки дня было снято то и другое. Внутри страны догма «компетентного меньшинства», авангардной группы «списочных» демократов, вытеснила программу правовой реформы государства. Руками демократов победила олигархическая версия иллиберальной демократии (Ф. Закариа). Но и во внешнем мире идею правового порядка — как порядка, вырабатываемого нациями совместно — отбросили в пользу так называемой «однополярности» — американского аналога олигархии. **Победив в мире, олигархия победила и внутри России. Уверен, что эти две победы взаимосвязаны.** Россия слишком велика для того, чтобы ее внутреннее устройство не сообщалось с мировым. Распространение олигархической модели в мировой среде спровоцировало триумф олигархии у нас в стране. Увы, мировая цивилизация, в хорошем и в плохом смысле этого слова.

3.

Наконец у всех сложилась ясность: лишь некоторые страны «вправе применять право», остальные станут объектом их оценок и репрессалий. То было плохое время для споров о демократии — ни-

кто не хотел подключаться к решениям, в которых сам не принимал участия. Никто не принимал все-таки стандарты, о которых с ним не договаривались. Пресекался процесс обмена демократическим опытом, исчезло ощущение единства глобального процесса. Общий горизонт был потерян.

Особенно ярко это выразилось на постсоветском пространстве **Евровостока**. Россия с начала 1990-х годов вела здесь «**политику щедрости**», как это называют в Европе, — помощи в восстановлении суверенных национальных государств, признания легитимности их выборных институтов. Колоссальный полигон демократии — помощь которому Россия осуществляла в колоссальных объемах и без обязывающих условий. Можно сказать, в этот период Россия, ЕС и США реально состояли в неформализованном партнерстве по государственному, демократическому восстановлению Евровостока. (Потому России и удалось погасить первую серию войн в СНГ в 1991–1996 годах, заморозив их очаги. Не только на Кавказе — в некоторых странах, как Таджикистан и Узбекистан, это привело к победе модели светской демократии над перспективой исламизации страны.)

Но потеря Западом и Россией воли к многостороннему сотрудничеству на Украине стала причиной знаменитого **Киевского кризиса 2004 года**, известного как «оранжевая революция». Колоссальное поле государственного творчества, nation building, превратилось в поле битвы и конфронтации. Во всех странах, не только в Америке поднял голову интернациональный бушизм — политика односторонних мер, полемика, направленная на оскорбление и исключение. Российский докризисный триумфализм зеркально повторяет американский триумфализм.

4.

Итак, вопрос о демократии с конца 1990-х годов приобрел полицейский характер — поддержания американского порядка в мире и контроля за «демократическими нелегалами» Евровостока. Ценностное стало властным, «гегемонией лучшей из демократий». К сожалению, наше общество приняло эту подмену. Внешний тренд был подхвачен — и в России **дискуссия о демократии все чаще трактовалась как спор о власти**. Демократию превращали в плоский опознавательный жетон своего клана. Но в русской истории наиболее опасные авторитарные силы почти всегда поначалу выступали как «народолюбивые» и демократические.

5.

Некоторые особенности российского демократического развития не очевидны. Они требуют добросовестного разбора, свободного от преувеличений. К ним, на мой взгляд, относится проблема *«ножниц компетентности»*. Революция 1989—1991 годов не сумела ни создать школы критики политического опыта, ни хотя бы сохранить советскую критическую интеллектуальную традицию. После ухода СССР реальная политика и анализ политических процессов быстро разошлись. «Ножницы» теории и практики достигли огромного размаха. Реформы начала 1990-х проводились на основе невежественных и абсурдных представлений о реформируемой стране.

«Ножницы компетентности» ограничили доступ в политику. К концу 1990-х сформировалось мнение, что общество в лице его основных групп политически некомпетентно. Что оно заражено тоталитарными и левоанархическими устремлениями. Действия исполнительной власти можно определить как сочетание инициативы и импровизации с настороженностью в отношении общества. Власть дождалась появления новых слоев, связывающих себя с Россией и сознающих себя как политическую нацию. Слоев, которые у нас (верно или неверно) именовались **средним классом**.

6.

Сегодня обращения Медведева отчетливо адресованы в первую

очередь к этим слоям. Считается, что они существуют и **достаточно мощны, чтобы выступать равноправным партнером власти в составе сильной демократии**. У нас в стране вырос **новый класс**, — креативный средний класс с глобальными амбициями. Он мыслит демократически и глобально. Он диктует **спрос на демократию — поскольку ему нужна глобальная Россия**, открытая миру. Глобальность — важный аспект идентичности России как новой политической нации. Проблема модернизации российской демократии (о которой говорил президент Медведев) связана с этой *глобальной идентичностью России*.

Глобальная ответственность свободна от имперской ностальгии. Россия спокойно, холодно, трезво сознает себя мировым государством, зависящим от качества мирового порядка и несущим за него ответственность. Ответственность, разделенную с другими современными государствами. И на мировой, и на внутренней арене.

7.

Мы часто сталкиваемся с неправовым подходом к безопасности как тактической паузе от войны до войны. Не важно мол, когда и зачем возникли те или иные регио-

нальные блоки, не важно, куда они расширяются. Пока они не заявляют агрессивных целей — нет войны, и уже хорошо. Но логика международного права, универсальность правового мышления требуют большего. Техника безопасности сама по себе бывает небезопасной.

Еще Иммануил Кант, один из первоучителей европейского единства, считал «многочисленность союзов и объединений» чреватой состоянием войны. Кант настаивал, что путь к прочному миру — это **правовой мир**. Он звал к «постоянному конгрессу государств», где право станет архитектурой мира. «Только при помощи такого конгресса может быть осуществлена идея учреждения **публичного права** народов, разрешающего споры между ними так, как это подобает цивилизованным народам, как бы **судопроизводством**, а не варварским (дикарским) способом, т. е. войной». Мы верим, что однажды такой постоянный мирный конгресс наций, **конгресс ради права и безопасности в Евroatлантике** соберется. Это и будет самая надежная, самая современная «система противоракетной защиты» для обитателей Северного полушария. ■